

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

Безсмертіе и жизнь.

(Продолженіе).

Объясненіе вышеуказанному роковому противорѣчію и примиреніе нашего самосознанія съ безсмыслицей жизни, мы находимъ будто бы въ принесеніи своей личности въ жертву всему человѣчеству — «въ жизнь сына человѣческаго», — когда путемъ непрерывнаго прогресса люди достигнутъ того идеальнаго состоянія, гдѣ все, будучи братьями, станутъ «наслаждаться всеми благами міра тотъ срокъ, который удѣленъ ему Богомъ». Но во-1-хъ, ограничивать задачу нравственной жизни моментами проявленія ея въ жизни настоящей, за которую слѣдуетъ уничтоженіе личнаго бытія значитъ не только ограничивать, но и убивать нравственный идеалъ, который носитъ въ себѣ возможность безконечнаго развитія; а во-2-хъ, если я страдаю глубоко и нуждаюсь въ состраданіи и даже не могу просить облегченія страданій у Бога, то что-же это за Богъ, который является ни болѣе, ни менѣе, какъ языческое издѣліе рукъ человѣческихъ, при томъ существующее не въ дѣйствительности, а только въ фантазіи. Я же самъ — какая-то бездушная кукла, которую бросаютъ то сюда, то туда, не спрашивая согласія, во имя какихъ-то эфемерныхъ мечтаній. А что прогрессивныя мечтанія дѣйствительно висятъ на воздухѣ, это для меня ясно, какъ Божій день, такъ какъ я вижу, читаю и слышу, что зло не только не умалывается, но съ прибавленіемъ человѣческаго рода, все болѣе и болѣе увеличивается, да и другіе говорятъ, что «золотой вѣкъ въ сознаніи народовъ всегда остается позади». Если, дѣйствительно, нѣтъ реального Бога — Личнаго, а только воображаемый истуканъ, то зачѣмъ-же и кто призываетъ меня въ міръ, не поставилъ мнѣ никакой осмысленной цѣли? Если я предположить, что въ концѣ развитія человѣкъ достигнетъ своего назначенія, то это нисколько не касается многихъ милліоновъ работниковъ, пролагавшихъ дорогу для немногихъ привилегированныхъ единицъ, коимъ вышло на долю высшее счастье полнаго осуществленія человѣ-

ческаго назначенія. Неужели же всё погибшіе въ достиженіи всеобщаго рая были лишь орудіемъ высшихъ цѣлей человѣчества и въ этомъ состояло ихъ назначеніе? Ужели тысячи тысячъ должны лечь трупами, что-бы по нимъ прошли къ земному раю единицы и свили себѣ гнѣздо счастья, приписывая всю работу себѣ, нисколько не думая о тѣхъ, что въ дѣлѣ созданія свободы и всеобщаго благосостоянія шагъ за шагомъ подготавливали почву. Если работа производилась не ими только, а многими, то и награда за эту работу должна быть раздѣлена между всеми. Иначе ни одинъ работникъ, не взявъ никакой цѣли для работы, не сталъ-бы трудиться. „Тяжела дорога: камень да песокъ.... Ну, теперь немного.... путь ужъ не далеко, трудовато было: что-то вперед?! Вперед? могла.... Что-же сталъ? Иди“... Да! У каждаго человѣка должна быть своя личная цѣль, иначе для чего-же и жить, если самъ-то ты, какъ личность, являешься почвой для какого-то дерева? Къ чему-же тогда всё слезы и страданія? За что угнетеніе и нищета! оскорбленія и униженія. Ужели-же намъ дана жизнь на муку и казнь? Ужели всё бѣдствія необходимы для дальнѣйшаго прогресса? Да вѣдь, и то сказать, все равно въ этомъ прогрессѣ не будутъ участвовать певнико-погибіи. Что же забавитъ человѣка, отъ того «бунта» противъ Творца, который было подиалъ герой Достоевскаго—Дмитрій Карамазовъ? Нельзя-же утверждать, что всё люди были только орудіями высшихъ цѣлей человѣчества и что въ этомъ состояло истинное ихъ назначеніе: нравственный законъ запрещаетъ намъ смотрѣть на человѣка, только какъ на средство: служба высшимъ цѣлямъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ всегда самъ остается цѣлю, такъ какъ огъ-носитель абсолютнаго начала, и если эта личная цѣль не достигнута, то и назначеніе его не исполнено. Да неужели-же сами-то люди, сознательно прошедшіе черезъ трупы ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, будутъ въ состояніи присвоить себѣ ихъ работу и спокойно наслаждаться скорбію, кровію, рапами и другими безчисленными бѣдствіями цѣлыхъ поколѣній людей?

Съ поразительной ясностью вопросъ этотъ выдвинуть великимъ Достоевскимъ въ разговорѣ бр. Карамазовыхъ, гдѣ подвергаются суровой оцѣнкѣ творческіе замыслы Бога и открывается всемірно-историческая даль и глубь вѣковъ.

.. «Скажи мнѣ самъ прямо, кричитъ Иванъ: представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осча-

стлвить людей. дать имъ наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо, предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданіе. одного только ребеночка, и на неотомщенныхъ слезахъ его основать это зданіе, согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ? Скажи и не лги!

«Нѣтъ, не согласился бы» — тихо отвѣчаетъ Алеша.

«И можешь-ли ты, продолжалъ Иванъ, допустить идею, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы принять свое счастье на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ — остаться на вѣки счастливыми».

«Нѣтъ, не могу допустить», отвѣчалъ Алеша. Иного отвѣта и быть не можетъ.

«Но если и вправду замолкнуть проклятыя,
Но если и вправду погибнетъ Вааль,
И люди другъ друга обнимутъ, какъ братья,
И съ неба на землю сойдетъ идеаль, —

«Скажи: въ обновленномъ и радостномъ мирѣ
Ты, свыкшійся съ чистою скорбью своею,
Ты будешь-ли счастливъ на жизненномъ пирѣ,
Мечтавшій о счастіи печальныхъ людей?»

«И поникъ ты въ думахъ головою,
И стоишь, глубоко потрясенъ, —
А въ быломъ встаютъ передъ тобою
Кровь и мракъ промчавшихся временъ....
Вотъ кресты распятыхъ за свободу,
Вотъ бичи въ рукахъ у палачей,
Вотъ костры, гдѣ идоламъ въ угоду,
Люди жгли пророковъ и вождей!....
Море крови, къ сердцу вопіющей,
Море слезъ, неотомщенныхъ слезъ, —
И звучитъ, и жжетъ тебя гнетущей,
Какъ ножомъ пронзающей вопросъ:
Для чего и жертвы и страданья,
Если цѣль одна — покой небытія!» *)

*) Надсоиъ.

Въ жизни человѣческой бываютъ и такіе моменты, когда не только личное чувство, но и холодный разумъ не можетъ примирить случившееся съ благомъ людей, вмѣющимъ быть достигнутымъ путемъ непрерывнаго прогресса. Когда отнимается у человѣка его благосостояніе, когда онъ лишается этого прекраснаго міра и будетъ погружаться въ небытіе, то все таки можетъ сознавать.... что же?... пожить и довольно.... другимъ нужно мѣсто дать.... *fecit, quod potui, faciant meliora potentes!* Но вотъ страничка изъ повѣсти Ильина—Моя дочь, напечатанная въ окт. кн. В. Евр. за 1911 г. (стр. 13): „и къ ночи моя родная, моя нѣжная любимая дѣвочка металась въ кровати въ бреду. Щеки ея пылали отъ жару, въ глазахъ, устремленныхъ на свѣчку, было видно страданіе маленькой птички, которую за чѣмъ-то мучатъ, которая хотѣла бы лучше играть.... Дѣтская болѣзнь, одна изъ тѣхъ злыхъ болѣзней, которыя выдуманы злымъ духомъ для терзанія маленькихъ ангеловъ,—схватила ее, сжала ея нѣжное тѣло, вонзила въ него когти. Проклятье, проклятье этому злему міру, созданному такъ дико и нелѣпно, но безумному адекому плану; міру, гдѣ даже ребенокъ не можетъ быть всегда радостнымъ, гдѣ даже его на каждомъ шагу предостерегаетъ канканъ болѣзней и страданій!» Такъ пишеть и слѣдъ, чувствуетъ авторъ. А представимъ, что у человѣка отнимается лучший другъ въ ту пору, когда его уже созрѣвшій духъ долженъ быть развернутъ въ полномъ совершенствѣ силъ своихъ на поприщѣ святаго служенія ближнему. Что-же изъ самомъ дѣла за безумная міровая воля управляетъ вселенною, когда она вырываетъ изъ среды людей лучшихъ борцовъ за осуществленіе «послѣдней цѣли» и оставляетъ не только не нужныхъ, но прямо таки вредный, балластъ въ міровомъ прогрессѣ. Значитъ, эта воля не только сама не содѣйствуетъ осуществленію своихъ намѣреній, но прямо-таки стремится къ разрушенію ихъ.

«И тайный голосъ такъ твердитъ, не умолкая:

Безумецъ, не страдай и не люби людей!

Ты жалокъ и смѣшонъ, наивно отдавая

Любовь и скорбь—мечтъ, фантази твоей.

Окаменѣй, замри! не трать напрасно силы!

Пусть льется кровь рѣкой и царствуетъ порокъ:

Добро-ли, зло-ль вокругъ—забвеніе могилы—

Вотъ цѣль конечная и міровой итогъ!

Само собою понятно, что такіе факты жизни совершенно атрофируются въ человѣкѣ всякое желаніе нравственной борьбы и духовнаго подвига. Случается даже такъ, что у человѣка отнимается часть его существа—мать родная, сестра, невѣста, жена, въ которыхъ онъ черпалъ силу въ неуклонномъ стояніи за «последнюю цѣль». Зачѣмъ-же отнята у него эта послѣдняя опора со зломъ міра? Да и какъ-же можно согласиться, что «онъ» или «она», которыхъ такъ любилъ человѣкъ, такъ много мечталъ о нихъ, не досыпалъ, не добдалъ и... вдругъ прахъ и... только прахъ. Эта убійственная мысль совершенно парализуетъ въ первый моментъ всю дѣятельность человѣка, леденитъ его мозгъ, останавливаетъ движенія крови въ тѣлѣ... Но затѣмъ, когда минетъ первый моментъ, и начнется второй моментъ — моментъ сознанія, то стоящій передъ гробомъ любимаго существа приходитъ въ состояніе неистоваго озлобленія, «осатанѣеть» до того, что бессильно поднимаетъ кулаки къ небу, и, съ громкимъ воплемъ, изрыгая безумныя маголы, грозитъ кому-то....

«Тяжело погибать, но видать какъ недугъ

Безпощадно уносить любимыхъ тобой...

Но видать, какъ усталый, измученный другъ

Ужъ готовъ уступить, обезсиленъ борьбой.

Тщетно умъ свой пытать—и не вѣрить уму,

И не вѣря, молитвы шептать къ небесамъ,

И бояться дать волю безумнымъ слезамъ:

Нѣтъ—ужъ лучше погибнуть стократъ самому»¹⁾.

А, вѣдь, нельзя не сознаться, что житейское море особенно чревато такими именно неожиданными ураганами. «Ахъ! забыться-бы.... чѣмъ нибудь.... только-бы забыться!».... Если правъ Лукрецій, римскій поэтъ, что нѣтъ ни скрытаго смысла бытія, ни будущаго порядка, который-бы поправилъ смуту и безурядицу нынѣшней жизни, то «единственно-истинная, разумная догма—религія буддизма, считающая появленіе жизни на землѣ какою-то непонятною роковою ошибкою божества, а посему и указывающая людямъ одно только истинное разумное счастье—въ смерти и одну только разумную цѣль жизни—въ погашеніи воли къ жизни»²⁾. Недаромъ-же философія пессимизма считаетъ послѣднимъ фазисомъ міроваго прогресса—небытіе; отсюда, и цѣль человѣка—осво-

¹⁾ Надсолънечный миръ, изданъ въ Петербургѣ въ 1878 г. въ 1-й книжкѣ 1-го тома.

²⁾ В. И. Несмѣловъ.

божденіе міра чрезъ добровольное самоуничтоженіе, потому-что ни одно бытіе не стояло, не стоитъ, и не будетъ стоять небытія, слѣд.,—нужно взорвать земной шаръ, что-бы на немъ прекратить всякую жизнь.

Свящ. *Василій Сокольскій.*

(Окончаніе будетъ).

О муллахъ Астраханской губерніи.

(Продолженіе; см. № 7).

Имаму при богослуженіи прислуживаетъ особое лицо, извѣстное въ повседневнои обиходѣ поклонниковъ Магомета подъ названіемъ муазина. Въ подлежащихъ статьяхъ Свода законовъ прислужникъ этотъ именуется маязиномъ, въ словаряхъ иностранныхъ словъ и въ энциклопедическомъ поспитъ названіе муэдзина. Профессоръ Лазаревскаго института Восточныхъ языковъ А. Е. Крымскій, указывая на неправильность произношенія этого слова на персидскій или турецкій манеръ предлагаетъ произносить—моаззинъ, что значитъ возвѣститель, провозглашатель (стр. 48 Дози).

Муазинъ созываетъ вѣрныхъ съ минарета мечети къ молитвѣ (азанъ), расигъвая въ установленныя часы дня: «Аллахъ единый, всемогущъ, вседержителъ, удостовѣрю, что посланныйъ его на земль пророкъ Магометъ, о, правовѣрные мусульмане, обратите вниманіе, наступила часть отдыха, часть моленія Богу, посидѣните въ храмъ Божій, знаи, что ты служишь для него». Чтобы получить званіе муазина, также надо выдержать экзаменъ въ Оренбургскомъ Магометанскомъ Собраніи. Подвергнушіеся испытанію на должность муазина получаютъ, суди по усигъхамъ, званіе муазина, или же муазина и мугаллима-сыбѣанъ, могущаго исполнять обязанности имама въ небытность его. Сыбѣанъ по арабски, какъ переводятъ мѣстные татары—обезьяна малолѣткою, и потому наименованіе мугаллима-сыбѣанъ означаетъ лицо, имѣющее право обучать малолѣткою. На практикѣ, по шаріату—правовѣрные любятъ ссызаться на него—есть еще званіе имамъ-мугимъ, т. е. помощникъ имама, по Оренбургское Магометанское Духовное Собраніе, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по этому поводу по дѣлу муазина Красноярской городской соборной мечети, увѣдомило Губернское Правленіе, что исправленіе должности имама закономъ не предусотрѣно, поэтому муазинъ г. Краснога